

КЛАУС ТРОСТ

КАРАМЗИН И ИГОРЕВА ПЕСНЬ. ПО ПОВОДУ СПОРА О ПОДЛИННОСТИ ИГОРЕВОЙ ПЕСНИ¹

В статье анализируются различные представления об авторстве и датировке «Слова о полку Игореве». По мнению автора, стилистические и лингвистические особенности «Слова» позволяют отнести его к памятникам русской словесности XVIII века, созданным литераторами круга Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», Н. М. Карамзин, историческая лингвистика, историческая стилистика, литературные мистификации XVIII в.

Общеизвестно, что Игорева песнь, как никакое другое русское поэтическое произведение, находится в центре острых научных споров. Уже очень скоро после восторженного приятия первоиздания 1800 года стали раздаваться критические голоса. Возникла дискуссия о времени появления Игоревой песни, а с нею связаны и споры о ее подлинности. Одни придерживались мнения, что это древнерусское произведение XII столетия и даже что это важнейшее произведение древнерусской литературы вообще. Другие полагали, что оно возникло в XVI в. [Сперанский, 1921, с. 349]. Третьи же были убеждены в том, что Игорева песнь появилась только в исходе XVIII в. [Там же, с. 347; Mazon, 1940, р. 6; Гудзий, 1959, с. 139; Зимин, 1967 (II), с. 135–152].

Этот спор не разрешен до сих пор. Датировка свелась к двум версиям: XII век и XVIII век. Какого объема достигла вторичная литература (в которой защищается одна или другая точка зрения) к нашему времени, позволяют оценить данные Ю. К. Бегунова, который к 1968 г. насчитал 3 000 названий отдельных научных работ об Игоревой песне, включая переводы [Бегунов, 1969].

Во всяком случае, эту огромную массу литературы может одолеть только специалист. Тем не менее развитие и современное состояние спора должны быть освещены хотя бы в духе введения в основания, но все же критически. Исходя из стилистической и литературной структуры Игоревой песни, в результате этого (выборочного критического обзора литературы) могут быть показаны некоторые новые точки зрения на решение обсуждаемого вопроса.

¹ *Trost K. Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds. In: Anzeiger für Slavische Philologie VII, 1974, S. 128—145. Перевод д. ф. н. Д. Г. Демидова.*

Первые сообщения об обнаружении Игоревой песни опубликованы в 1797 году. Они исходят от двух поэтов-друзей — Хераскова¹ и Карамзина². Оба говорили о неизвестном сочинителе и сравнивали упоминаемого в Игорева песни певца Бояна с Оссианом. Тогда, как и позже, в 1802 и 1818 гг., Карамзин писал об этом очень точно и определенно [Карамзин, 1848, с. 563; Он же, 1892, с. 139]. С его точки зрения, Игорева песнь была найдена в 1795 году в русских архивах, по его позднейшим высказываниям, в одном из монастырских архивов. Поэму в XII веке сочинил кто-то из светских авторов, поскольку монах не решился бы говорить о языческих богах и приписывать им действия природных стихий. В стилистическом отношении Игорева песнь подражает древнейшим русским сказаниям о деяниях русских князей и героев. Она должна была восприниматься как единственное сохранившееся произведение в своем жанре и показывать литературный вкус и поэтический язык древних русичей.

XII век называется также временем создания произведения в его первом издании [Дмитриев, 1960; с. 76³]. Эти данные находят поддержку и непосредственно в произведении, поскольку автор выдает себя за современника Игора. Но когда и где было обнаружено произведение, читатель не узнаёт. Речь идет лишь об очень старой рукописи, которая хранилась в библиотеке гр. Мусина-Пушкина [Editio princeps, с. VII, примеч. 1–8]. Она представляет собой часть конволюта, который содержит, помимо Игорева песни, еще целый ряд оригинальных и переводных произведений [Там же; примеч. 1–8]. В предисловии Мусин-Пушкин представлен также как издатель. В действительности, издание готовилось лучшими знатоками древнерусской литературы того времени, а именно, начальником Архива⁴ А. Ф. Малиновским и Н.Н. Бантыш-Каменским, а также Карамзиным [Лихачев, 1950, с. 4]. Но эти лица в Предисловии упомянуты не были.

Бросается в глаза, что во всех первых сообщениях об Игорева песне она сравнивается единодушно с Оссианом, как говорилось выше. Так, автор Предисловия к Editio princeps, А. Ф. Малиновский⁵ подчеркивает, что у русских героев были свои барды, которые воспевали их славу [Дмитриев, с. 171].

Пролить свет на конкретные данные о месте обнаружения рукописи и о первом ее владельце смог только в 1813 году славист К. Ф. Калайдович, и только после нескольких тщетных попыток. По этим данным, Мусин-Пушкин хотел получить рукопись через комиссионера у архимандрита Спасского монастыря в Ярославле Иоилиа Быковского, скончавшегося в 1798 году [Лихачев,

¹ В конце 1796 г. в переработанном 3-м издании его поэмы «Владимир», появившемся в начале 1797 г., точнее, в 16-й Песни и в примечании к ней.

² В октябрьском номере 1797 г. французского журнала «Северный обозреватель». В этом номере Карамзин опубликовал статью на французском языке о русской литературе «Письмо в «Обозреватель» о русской литературе».

³ Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ Удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго Игора Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтїя съ преложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчїе. Москва, в Сенатской типографии, 1800. В дальнейшем ссылка на это издание обозначается как editio princeps (*Прим. переводчика*).

⁴ Московский Архив Коллегии иностранных дел (*Прим. ред.*)

⁵ Во всяком случае, о таком авторстве свидетельствуют найденные бумаги Малиновского.

с. 4]. Из очень противоречивых сведений об орфографии и о времени создания рукописи, которые получал Калайдович от Мусина-Пушкина, Малиновского, Карамзина и других свидетелей, он заключил, что рукопись, лежащая в основе *editio princeps*, восходит к XVI веку [Барсов, 1887, с. 50]. На сей день сохранилась только одна копия той рукописи, изготовленная в XVIII в. Она была передана Екатерине II еще до ее смерти в конце 1796 года. Факсимиле копии было издано Н. В. Водовозовым [Слово о полку Игореве, 1954, с. 318].

Карамзинские выписки из Игоревой песни еще и сегодня составляют основу для всех тех исследователей, которые защищают подлинное древнее происхождение Игоревой песни. Они играют также существенную роль при оценке непонятных взаимных отношений между Игоревой песнью и Задонщиной, памятником начала XV в. Между двумя памятниками имеются поразительные лексические и фразеологические соответствия, так что удивительно, что защитники подлинности Игоревой песни рассматривают ее как источник Задонщины; критики же, напротив, усматривают в Задонщине источник Игоревой песни¹.

Уже очень рано «романтики», как были названы сторонники подлинности Игоревой песни их противниками в XIX в., обратились к Карамзину в литературных оценках по одному пункту: они больше не сравнивали Игореву песнь с Оссианом, — для них она является единственным поэтическим произведением древнерусской литературы и одновременно первым эпическим произведением русской литературы. Жанр, созданный с помощью Игоревой песни, не идентичен никакому известному виду литературы XII века [Стендер-Петерсен, 1957, с. 118]. Помимо термина *Слово* ‘речь, гомилия, проповедь’ в заглавии рукописи, никакой связи с древнерусской гомилетикой XI и XII вв. нет. В переводе на современный русский язык предпринята замена *Слова* на *Ироическую песнь* ‘героическая песнь’. К этому сочетанию восходит немецкое название *Igorlied* (букв.: «Игорева песнь»). Но *Песнь* — это не только не современное русское соответствие *Слову*, — *Песнь* не может отвечать требованию правильного обозначения жанра произведения. Попытка отождествить Игореву песнь со стихотворным произведением через применение термина *песнь* могла бы служить обоснованным опровержением тех ученых, которые считают Игореву песнь подлинной [Чижевский, 1948, с. 345; Lotman, 1972, S. 172, Fußnote 27]. Эти ученые придерживаются мнения, что данное произведение сопоставимо скорее со стихотворным произведением, имеющим яркие признаки хвалебной речи, чем с литературным героическим эпосом вроде Песни о нибелунгах [Raab, 1965, S. 44].

Однако все эти аргументы не могут подтвердить подлинность Игоревой песни, они, скорее, молчаливо предполагают подлинность как исходную и уже известную предпосылку. Нет ничего проще, чем эту же аргументацию применить к критическому рассмотрению вопроса о подлинности.

В XIX в. критики Игоревой песни, еще и сегодня называемые их противниками «скептиками», разработали целый ряд аргументов против подлинности.² Они получили мощную поддержку после того, как единственная, относящаяся предположительно к XVI веку рукопись Игоревой песни, судя по заявлению

¹ Отношение Игоревой песни к другим текстам, в особенности к Задонщине, автор собирает обсуждать в особой работе.

² Сперанский, Мазон, Гудзий, Зимин.

Мусина-Пушкина, была уничтожена в московском пожаре 1812 года. Когда в 1815 году Малиновский и Мусин-Пушкин захотели ввести в дискуссию список Игоревой песни, предположительно возникший в 1375 году и очень скоро обернувшийся подделкой антиквара Бардина, критики почувствовали также и моральное оправдание. Уже тогда они придерживались мнения, что духовный характер киевской культуры и светский характер Игоревой песни не согласуются друг с другом. При этом Игорева песнь предполагает более высокую культуру, чем была тогда в Киеве. Они указывают на изолированное языковое и жанровое положение Игоревой песни в литературе XII века; кроме того, в древнерусской литературе отсутствуют памятники, которые могли бы быть хотя бы отдаленно сопоставлены с Игоревой песнью по их поэтическому масштабу. Эти общие аргументы критики пытались подкрепить также в деталях тем, что они обращали внимание на внутренние противоречия, анахронизмы и галлицизмы. Но они не были единодушны относительно личности автора. Одни называли Мусина-Пушкина, другие думали о Карамзине, поскольку это произведение показывало большой поэтический талант автора и предполагало прекрасное знание древнерусского. Но как только в 1852 году была открыта и опубликована Задонщина, большинство «скептиков» замолчало, тогда как «романтики» взяли верх на долгое время.

С самого начала обе партии могли апеллировать каждая к своим выдающимся сторонникам. Важными защитниками подлинности были в XIX в., наряду с поэтом Александром Пушкиным, слависты К. Ф. Калайдович (правда, только после предварительных оговорок), Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов. В нашем столетии, вместе с другими исследователями, за подлинность выступили, прежде всего, слависты Адрианова-Перетц, Дмитриев, Лихачев, равно как и Роман Якобсон и Чижевский. На противоположных позициях стояли в XIX веке граф С. П. Румянцев, митрополит Евгений, историк М. Т. Каченовский, критик и ученый Н. И. Надеждин, писатель О. И. Сенковский, критик и славянофил К. С. Аксаков, ученый литературовед С. И. Давыдов, публицист М. Н. Катков, славист О. Н. Бодянский и не в последнюю очередь — Иван Гончаров и Лев Толстой, на критическую позицию которых открытие Задонщины не повлияло [Зимин; цит. соч. с. 136].

Через 90 лет после появления *editio princeps* француз Луи Леже вновь открыл дискуссию о подлинности Игоревой песни [Leger, 1890; Idem, 1901]. Французский славист Андре Мазон и польский историк литературы Кржижановский продолжили эту дискуссию в 30-е годы нашего столетия [Krzyżanowski, 1934, p. 6; Idem, 1936, p. 409; Mazon, 1938 (I, II)]. Вплоть до начала 1960-х гг. в многочисленных публикациях А. Мазон отстаивал тезис, что Игорева песнь представляет собой стилизацию XVIII столетия [Mazon, 1939; 1940; 1944; 1949; 1966, особ. p. 87]. Важнейший источник Игоревой песни он усматривает в распространенной редакции Задонщины. В этом за ним следуют также другие ученые, такие, как чешский славист Фрчек [Frček, 1948] болгарский историк литературы Арнаудов [См.: Зимин, цит. соч.], французский славист Вайан [Vaillant, 1967]. В круг источников Мазон включает также Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Никонову и Радзивилловскую летописи, историографию XVIII века и собранные к тому времени произведения устного народного творчества. Сочинителю Игоревой песни были также известны русский перевод Девгениева деяния и Сказания об Акире Прему-

дром. Он также должен был читать Ломоносова, Державина и Макферсона [Mazon, 1940, p. 173.]. В качестве автора Игорева песни Мазон склоняется называть Мусина-Пушкина [Ibid, p. 174], позже — Бантыша-Каменского [Idem, 1949, p. 535] и, наконец, скончавшегося в 1798 году архимандрита Иоила Быковского [Idem, 1966, p. 87 et seq.]. Именно этого архимандрита назвал Мусин-Пушкин в 1813 г. первым владельцем рукописи.

Позднее положения Мазона принял и модифицировал русский историк и славист А. А. Зимин¹. В отличие от Мазона, Зимин вовсе не ставит вопроса о литературных достоинствах Игорева песни. Он видит в «Игорева песни» не столько результат иностранного влияния, прежде всего оссианизма, сколько органическое явление русской литературы. Равным образом не привлекает он и историографию XVIII века в качестве источника. Если Мазон старался разыскать галлицизмы, то Зимин направляет свое внимание на ориентализмы. При этом он приходит к интересному выводу, что они не могут служить критерием для хронологического определения произведения. Для Мазона яркий языческий колорит, совсем необычный для XII века, — это признак влияния оссианизма. Зимин же, напротив, не подвергает сомнению христианские основания поэта. При этом он противоречит сторонникам подлинности Игорева песни. Так, Рыбаков [Рыбаков, 1967, с. 160] в своем возражении объяснениям Зимина устанавливает, что языческие элементы Игорева песни должны быть неразрывно связаны с жизнью в XII в., — суждение, которое едва ли может быть проверено исходя из литературного фона. Так же, как в конечном счете и Мазон, Зимин придерживается мнения, что автором произведения был архимандрит Иоиль Быковский; но он полагает, что дальнейшее исследование могло бы выдвинуть другие персоны, «которым можно было бы приписать этот исключительно драгоценный шедевр русской литературы до Пушкина» [Зимин, 1967(II), с. 150].

При всех своих разносторонних и обстоятельных исследованиях критики Игорева песни оставляют без внимания один очень существенный момент. Они забыли поставить вопрос, возможно ли усмотреть в Игорева песни стилистические характеристики конца XVIII в., то есть того времени, в которое, по их мнению, и появилось это произведение; поскольку такая гениальная фальсификация может выдать себя не только через общие отвечающие духу времени стилистические особенности, но и обнаружить себя через индивидуальные стилистические особенности ее автора.

В последние десятилетия XVIII века в русском литературном языке произошел поворот, который достиг своего наивысшего пункта в литературной деятельности Карамзина и его последователей и подражателей, так называемых карамзинистов. Карамзин стремился к обоюдному сближению письменного языка и обиходного языка салонов [Шкляревский, 1967, с. 40]. Эти реформаторские устремления рассматривают обобщенно как *новый слог*. Карамзинский «новый стиль» заменил длинные и тяжеловесные периоды,

¹ В докладе, состоявшемся 27. 02. 1963. на заседании Института русской литературы АН СССР. Изложенные в нем мысли Зимин развил в монографии, которая хранится в библиотеке Института истории АН СССР. См. [Бегунов, цит. соч., с. 241, примеч. 26] Сообщение о дискуссии по положениям Зимина напечатано в *Вопросах истории*, 1964, № 9. С. 121–140. См. также [Зимин, 1965; Зимин, Хорошкевич, 1965; Зимин, 1966 (I, II, III); 1967(I, II); 1968 (I, II)] и др.

характерные для существовавшего до того времени литературного языка, короткими предложениями, приближенными к устному выражению. Сфера гипотаксиса значительно сужена, паратаксис занял более широкую область применения. Подчинительные союзы *дабы, зане, ибо, колико, поелико, понеже* были изъяты из речевого обращения [Там же, с. 53]. Все относительные местоимения, за исключением *который, кой, где*, стали употребляться реже. За сочинительными союзами еще оставалась значительная область применения. Чаще всего употреблялся союз *и* с очень широкими специализациями своего значения, реже употреблялся союз *а*, а самым редким был союз *но* [Виноградов, с. 288]. Но наиболее заметным признаком нового стиля было паратактическое соединение бессоюзных предложений. Симметричное расположение синтагм и предложений восполняло отказ от союзов и создавало впечатление развитых периодов [Виноградов, с. 277]. Одновременное использование анафоры, антитезы, инверсии и аллитерации придало прозе своеобразную ритмику [Скипина, 1926, с. 21 и след.; Brang, 1960, s. 139, 145 et seq.] и вновь отдалило прозу от обиходного языка образованного общества.

По существу, все эти особенности карамзинского нового стиля обнаруживаются и в Игоревой песни. Исследователям, которые выступают за подлинность Игоревой песни, таким как М. Петерсон [Петерсон, 1935–37], С. П. Обнорский [Обнорский, 1946] и А. Н. Котляренко [Котляренко, 1966], оставалось публиковать лишь часть данных, которые служат свидетельством этих поразительных и исчерпывающих совпадений.

Эти исследователи установили, что в Игоревой песни преобладает паратаксис так же, как и в других древнерусских памятниках, что в то же время при построении рядов предложений Игорева песнь значительно отличается от других древнерусских памятников по многим признакам [Обнорский, с. 175; Котляренко, с. 192]. Но именно за этими различиями скрываются очень важные соответствия новому стилю. Так, Игорева песнь уменьшает число сочинительных союзов до *и, а и нь*, то есть *но*, как и в новом стиле. Частотность употребления в новом стиле и в Игоревой песни также одинакова. По Обнорскому, союз *и* употребляется чаще всего, а именно 83 раза, союз *а* — 55 раз и союз *нь* (русс. *но*) — только 6 раз. Это в точности соответствует соотношению частотностей данных союзов, определенному Виноградовым в новом стиле [Виноградов, с. 288]. Напротив, соотношение частотности употреблений союзов *и* и *а* в таком достоверно древнерусском памятнике, как Русская правда, по Обнорскому, обратное. В нем союз *а* встречается 57 раз, союз *и* — только 14 раз [Обнорский, с. 22]. Кроме того, достоверно древнерусские памятники богаче сочинительными союзами. Им известны в качестве сочинительных союзов также *да, такоже, же, ано, ино* [Борковский, Кузнецов, 1965, с. 509]. Если достоверно древнерусские памятники показывают союзное сочинение предложений, то паратаксис в Игоревой песни преимущественно бессоюзен. Одновременно это представляет собой убедительную параллель языку Карамзина. При этом соответствие распространяется вплоть до деталей стилистической структуры: как и у Карамзина, асиндетические паратактические конструкции симметрически упорядочены и взаимодействуют при помощи анафор, антитез, инверсий и аллитераций, составляющих знаменитую ритмику Игоревой песни.

По Петерсону, с помощью союзов в Игорева песня образованы только 34% предложений, и только 2,5% — с помощью относительных местоимений, преобладает бессоюзный паратаксис, занимающий 63,5% всех предложений. С этим почти полностью соотносятся данные языка опубликованного Карамзиным в 1793 году рассказа «Остров Борнгольм»; в нем 63,9% предложений соединены друг с другом без союзов. В классицистических же произведениях к бессоюзному паратаксису относится только 46% предложений. В Задонщине 77% предложений сопровождаются союзами и относительными местоимениями и только 23% предложений относятся к бессоюзному паратаксису. Это как раз те количественные соотношения, которые ожидаются от Задонщины как от произведения XV века. Вплоть до XVI в. главенствовали бесконечные, связанные союзами ряды предложений древнерусской литературы [Соколова, 1962, с. 277] Соколова упоминает также, что Ломоносов высказывался против такого способа сочетания предложений и советовал сокращать число звеньев в союзных цепочках. В Задонщине употребительны союзы *зане, занеже, понеже*, которые Игорева песня избегает, точно так же, как Карамзин. Равным образом, ни в Игорева песня, ни у Карамзина не встречаются союзы, употреблявшиеся часто также и в прежнюю древнерусскую эпоху: *ибо, дабы, поелико, колико*. С одной стороны, эти лингвостилистические факты говорят о самостоятельности Задонщины; но с другой стороны, они едва ли могут быть оспариваемыми аргументами против подлинности Игорева песня.

Данные Петерсона о том, что диалект Дорофеевки, деревни в Московской области, показал при его обследовании в 1929 году такую же долю бессоюзного паратаксиса, что и Игорева песня, а именно 61% [Петерсон, с. 552], не могут поколебать представленного здесь тезиса, что Игорева песня — произведение нового стиля. Исследователи, которые принимают Игорева песня за подлинную, не видят в бессоюзном паратаксисе Игорева песня реликта примитивного состояния языка. Они, скорее, с высочайшей похвалой признают, что в Игорева песня применено художественно обработанное высокоразвитое стилистическое средство. Но они не исходят из факта, что в русской исторической стилистике вплоть до конца XVIII в., то есть до деятельности Карамзина, невозможно найти сопоставимого текста с таким синтаксическим явлением.

Всякий, кто желает рассматривать многочисленные и значительные различия в языке и стиле Игорева песня и других достоверных памятниках древнерусской литературы как признаки особого исчезнувшего жанра, должен найти доказательство своего утверждения. Выводить из одного единственного примера — Игорева песня — заключение о существовании целого жанра в единственном его тексте-представителе — это означает нарушать очевидные границы действия заключений по аналогии совершенно недопустимым способом. Напротив, опираясь на чрезвычайно богатый материал, легко показать, что стилистическая структура Игорева песня полностью соответствует стилистическим устремлениям Карамзина. Из полученного материала мы предлагаем ниже маленький, но показательный фрагмент. При этом для сравнения привлекаются только такие произведения, которые Карамзин опубликовал до 1795 года. Причина заключается в том, что для позднейших произведений может оказаться существенным, что именно они претерпели влияние Игорева песня.

Примеры показывают симметрическое строение бессоюзных предложений: примеры 1а — 2а из Игоревой песни [Editio princeps, с. 14а]¹, примеры 1б — 2б — из произведений Карамзина [Карамзин, с. 147]². Позиции в подписанных друг под другом предложениях с паратактической связью в каждом примере совпадают.

Игорева песнь			Карамзин		
Были	вѣчи	Трояни	видѣл	много	чудного,
минула	Лѣта	Ярославля	слышал	много	Удивительного
<i>Гл. эл. ф.</i>	<i>Сущ. И.</i>	<i>Прил. прит.</i>	<i>Гл. пр. вр.</i>	<i>Нар.</i>	<i>Прил. Р.</i>
1а			1б	Остров Борнгольм, 1793	

Уже	снесся	Хула	на хвалу;	Никогда	жаворонки	так хорошо	не певали;
уже	тресну	Нужда	на волю;	Никогда	солнце	так светло	не сияло;
уже	врѣжеся	Дивь	на землю	Никогда	цветы	так приятно	не пахли!
<i>Нар.</i>	<i>Гл. аор.</i>	<i>Сущ. И.</i>	<i>Предл. Сущ. В.</i>	<i>Нар.</i>	<i>Сущ. И.</i>	<i>Нар. Нар.</i>	<i>Отриц. Гл. пр. вр.</i>
2а	[Editio princeps, с. 25а]			2б	Бедная Лиза, 1792 [Карамзин, с. 12]		

Карамзинские бессоюзные предложения соединены друг с другом при помощи более или менее длинных пауз, — они заменяют собой союзы [Трубецкой, 1956, с. 85]. Параллельная расстановка слов и связанный с этим синтаксический параллелизм служат своеобразным средством связи. Отрезки между отдельными речевыми паузами часто содержат одинаковое число ударных слогов, как это видно в 1б и 2б. То же самое справедливо и для цитат 1а и 2а из Игоревой песни.

Примеры 2а и 2б показывают довольно частую как в Игоревой песни, так и в произведении Карамзина, анафору, здесь — в трехчленной форме. Однако чаще всего как в Игоревой песни, так и у Карамзина, анафора представлена в двухчленной форме. Анафора выступает в особо важных местах и в Игоревой песни, и у Карамзина, как ее представляют примеры 2а и 2б. Обычные двухчленные анафоры представлены в примерах 3а и 3б.

Игорева песнь			Карамзин		
Что	Ми	шумить,	Что есть	жизнь	человеческая?
Что	Ми	Звенить	Что	бытие	наше?
3а	[Editio princeps, с. 18а]		3б	Сьерра-Морена, 1793 [Карамзин, с. 145]	

Всего в Игоревой песни анафора встречается 38 раз, в повести «Бедная Лиза», написанной в 1792 г. при вдвое большем объеме произведения — 60 раз [Brang, s. 145]. Здесь также поразительное статистическое соответствие.

Особым своеобразием карамзинского стиля является бессоюзное соположение двух коротких, симметрично выстроенных предложений, после которых следует более длинное, но также бессоюзное паратактически присоединенное предложение с другим числом ударных слогов. Таким способом маркируется конец ряда (такое предложение замыкает период). Это постро-

¹ Цитаты из Игоревой песни даются по Editio princeps.

² Цитаты из произведений Карамзина даются по [Карамзин, 1848, т. III]

ение знает и Игорева песнь. Ср. примеры 4а и 4б, в которых соответствие распространяется даже на расстановку знаков препинания в *editio princeps*.

Игорева песнь		Карамзин	
4а	Бишася день,	4б	Пришла мрачная осень,
	Бишася другый:		Пришла скучная зима:
	Третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.		Лесное уединение сделалось для меня еще несноснее.
	[<i>Editio princeps</i> , с. 18а]		Наталья, боярская дочь 1792 [Карамзин, с. 120]

Особым художественным приемом карамзинской прозы считает Скипина контрастирующую инверсию [Brang, s. 133]. Ее также можно найти в Игоре-вой песни, ср. примеры 5а и 5б.

Игорева песнь		Карамзин	
5а	Дѣти бѣсови кликомъ поля <i>прегородиша,</i>	5б	<i>Под этим высоким вязом ты часто сиживал с Юлиею;</i>
	а храбрии Русичи <i>преградиша чрълеными щиты.</i>		<i>часто бегивал с нею по этому лугу</i>
	[Цит. по Brang, s. 133, Fusnote 4]		Евгений и Юлия, Детское чтение, 1789 [Карамзин, с. 151]

При этом как в Игоревой песни, так и у Карамзина, находим продолженную или обогащенную инверсию, ср. : 6а и 6б.

Игорева песнь		Карамзин	
6а	уныша по градомъ забралы,	6б	прошло красное лето;
	а веселие пониче.		златая осень побледнела
			О-в Борнгольм, 1793[Карамзин, с. 147]

По поводу примера 6б П. Бранг отмечает, что в Карамзинском «Острове Борнгольм» «преобладают короткие, обрезанные предложения, часто состоящие всего из подлежащего и сказуемого с доминированием глагола». Это та «голая проза», «которую позже Пушкин довел до совершенства» [Brang, s. 164], что согласуется с заключением И. Поповой, что «...краткость, простота синтаксических конструкций Игоревой песни кажутся иногда почти пушкинскими» [Цит. по Зимин, 1967 (II), с. 147].

Как у Карамзина, так и в Игоревой песни необычайно часто встречаются аллитерации:

Игорева песнь		Карамзин	
7а	Уже бо Сула не течеть сребренными струями	7б	В самом севере среди высоких мшистых скал
	с — с — с		с — с — с — с
			Остров Борнгольм, 1793, [Карамзин, с. 163]

И другие особенности карамзинской прозы, такие, как грамматическая рифма, дактилическое завершение фразы, частая постпозиция атрибутивных прилагательных, встречаются также в Игоревой песни. Напротив, как и в по-

вестях Карамзина 1790-х годов, постановка причастий как раз соответствует норме. Кроме того, они как здесь, так и там, употребляются редко, совершенно не так, как в древнерусскую эпоху. Субъект располагается всегда при главном предложении, но не при причастии, как это было не только в древнерусской литературе, но оставалось и могло встречаться вплоть до Карамзина в новой русской литературе. Так часто употреблявшийся в древнерусской литературе оборот «Дательный самостоятельный» в Игоревой песни отсутствует, равно как и оборот «Именительный самостоятельный», который проник как элемент устной речи в древнерусский литературный язык.

Итак, как и новый стиль, Игорева песнь снижает воздействие особенностей, унаследованных из древнерусской эпохи Старым стилем, и образует из тех же стилистических элементов, что и в новом стиле, несмешиваемое ни с чем другим специфическое стилистическое единство. Те исследователи, которые считают Игорева песнь произведением XII века, смогут утвердить свою гипотезу только тогда, когда они найдут правдоподобное объяснение тому, почему Игорева песнь совпадает в стилистическом отношении с новым стилем конца XVIII века, но этого не происходит ни с одним другим произведением древнерусской литературы или литературы до Карамзина.

Исходя из изложенных лингвостилистических оснований, вероятность того, что Игорева песнь создана непосредственно в XII веке, очень мала; вероятность же того, что она возникла только в XVIII веке, напротив, очень велика. Вряд ли поэт XII века мог настолько опередить свое время, чтобы включать большой ряд стилистических особенностей нового слога в свой стиль, а от черт старого стиля отказаться. И это несмотря на свою естественную стилистическую исторически достоверную практику. Трудно вообразить и то, чтобы он работал в манере нового стиля и вплетал в него совершенно определенные стилистические элементы, характерные для старого стиля, которые он приглушал. Немыслимое для древнерусской эпохи подавление церковнославянизмов, постоянно восхваляемое защитниками подлинности Игоревой песни, находит свое объяснение только тогда, когда учитываются стилистические устремления Карамзина, поскольку он старался изгонять из русского литературного языка прежде всего стилистические и синтаксические церковнославянизмы. В 1803 году он оспаривал главный аргумент своих оппонентов о том, что русский язык с самого начала своей истории теснейшим образом связан с церковнославянским, приводя в качестве контр-примера Игорева песнь [Вестник Европы, 1803, ч. X, с. 209]. В очень острой теоретической дискуссии того времени это произведение служило ему доказательством его тезиса о том, что церковнославянский был привит русскому вторично и органической связи между обоими языками не было. Так, Игорева песнь, в отличие от Нестора, не знает никаких сложных слов, созданных по образцу греческих¹; это должно было служить свидетельством древнейшего состояния русского языка, якобы еще не подвергшегося влиянию греческого.

Как бы то ни было, стилистический анализ Игоревой песни отчетливо показал ее зависимость от карамзинского нового стиля. По этой причине Быковский, в котором видели автора Мазон и Зимин, как возможный автор должен быть исключен. Ничто не указывает на то, чтобы архимандрит, скон-

¹ Единственным примером кальки в Игоревой песни, в действительности, является слово *богородица* = θεοτόκος.

чавшийся в преклонных годах в 1798 году, в последние годы своей жизни прибегнул к новому стилю. Его сборник цитат и предисловие к нему, изданные в 1787 г., безошибочно показывают, что он был еще полностью верен старому стилю [Mazon, 1966, p. 58-88]. Так, у него преобладает, к примеру, еще союзная связь, очень часто употребляются такие союзы, как *ибо*, которых Карамзин избегал в 1790-е годы.

Но не только стилистические особенности Карамзина, но также и особая техника композиции, характерные признаки его сентиментализма, его оссианизма, равно как и его настрой на народную поэзию и его жанрово-теоретические представления вместе характеризуют Игореву песнь. Одно из важнейших композиционных новшеств Карамзина состоит в образе рассказчика [Brang, S. 199 et cet.]. Действующий рассказчик включен в течение событий и владеет им, он наблюдает за происходящим и критически его комментирует, он сопровождает и читателей, и героев и сохраняет общение с обоими. Карамзин сокращает изложение подробностей, ограничивается в сообщении о фактах краткими намеками и предоставляет читателю самому восстановить многие связи. Все эти композиционные элементы составляют отличительную черту также и Игоревой песни, но прежде всего отдалают самым решительным образом Игореву песнь от обычного распространенного в древнерусский период летописного стиля [Braun, 1963, S. 115 et cet.; Сечкарев, 1962, с. 25].

С Игоревой песнью произведения Карамзина связывает также живое участие природы в человеческой судьбе. Этот признак отвечает сентиментальному мировосприятию поэта. Этим объясняется также, почему именно поражение сделано предметом поэзии. По Карамзину, стихотворение не должно восхвалять счастье, успех или победу, поскольку это читателя душевно не затронет. Благодаря своей трагичности, гораздо сильнее воздействуют на душу читателя несчастье, неудача, поражение [Карамзин, 1848, с. 370 и след.; с. 436] Ср. также об этом [Ulbrich, 1952, s. 22; Rothe, 1969, s. 440]. Трагически поданная тема поражения Игоря с побегом из плена и счастливым возвращением на родину позволяет все же избежать трагического финала, и это, опять же, хорошо соответствует тенденции, которая прослеживается в рассказах Карамзина, появившихся с 1792 г.

В духе Карамзина, трагические события Игоревой песни несут на себе оссианический взгляд на вещи, точно так же, как и представленные в самых мрачных тонах природные силы, воздействующие на события. Карамзинская характеристика оссианической поэзии приложима и к Игоревой песни: это простота, живость картин дикой природы, краткость и сила описаний, оригинальность выражений [Rothe, s. 88.]. С 1792 г. соединение трагических ситуаций, оссианического изображения природы и критической рефлексии стали характерными чертами карамзинской манеры повествования [Ibid., s. 439]. В пародии и травести, взятой из народной поэзии фразеологии певца Бояна, как это обнаруживается при применении отрицательного сравнения, выказывает себя в конечном счете отстраненное отношение Карамзина к народной поэзии, что он выражает в таком же духе в своих рассказах, например, в пародии отрицательного сравнения «Прекрасная царевна и счастливый карла»¹.

¹ Об отрицательном сравнении в Игоревой песни см. особенно [Läg Reid, 1967, s. 70 et cet.] об отрицательном сравнении вообще см. [Weiher, 1972]

Необходимо также решить проблему жанрового распределения, какое мы ожидаем в ситуации конца XVIII в. Сам Карамзин называет Игореву песнь поэмой¹. Любую поэтическую *повесть* он хотел называть поэмой, безразлично, как она написана, в стихах или в прозе [Brang, s. 33 et cet.]. В своем переводе Макферсонова «Картона» (1791) он точно воспроизвел подзаголовок (Поэма Оссиана). При переводе «Гонсало де Кордона, или Grenade reconquise (Отвоеванная Гренада)» он говорит о «*героическом романе или прозаической поэме*». В этом смысле Игорева песнь также можно считать поэмой. В современной терминологии нужно было бы говорить о стихотворении в прозе. Как Макферсон в Оссиане, в Игоревой песни Карамзин приближает прозу к поэзии благодаря ритмической структуре. Таким образом, Игорева песнь встраивается в жанровую традицию как произведение XVIII века, а именно — в традицию Оссиановой поэмы. В этой связи не должно остаться неупомянутым, что Карамзин говорил о фрагменте поэмы. В этом скрывается тяготение к моде, пришедшей после появления Макферсоновых фрагментов, считать фрагмент за короткую форму. Это может означать, что Карамзин — Игорева песнь, как и Макферсон — свои песни, хотел выдавать за часть бóльшего эпоса. Выдать Игорева песнь целиком за фрагмент было бы, при закрытости композиции, совершенной фикцией. Но именно эта фикция сопровождает образ рассказчика в карамзинском «Острове Борнгольм». Эта же фикция — образ рассказчика — проявляется и в финале Игоревой песни. Рассказчик говорит, что он хочет, по примеру хвалебной песни старшим князьям, пропеть песнь также в честь младших князей. Но этот же образ рассказчика появляется и при приветствии, при обращении к князьям и их *друзьям*. Таким образом, характер Игоревой песни как фрагмента можно обосновать двумя способами.

Не в последнюю очередь средневековое восприятие искусства самым решительным образом свидетельствует против возникновения Игоревой песни в XII в. Эстетика того времени требовала верности следования достойным образцам [Лотман, 1968, с. 74]. В центре деятельности древнерусского проповедника, агиографа, историографа стояли не языковые, стилистические, жанровые новшества и изменения, а по возможности полное соблюдение византийской традиции, ее возможно более совершенное повторение. Таким образом, совершенно невообразимо, чтобы в подобное время восприятия, возрастания и учения у греков, в древнерусской литературе возникло произведение, написанное по чуждому образцу, произведение, совершенно выпадающее из средневекового восприятия искусства. А ведь это произведение очень оригинально и неповторимо. Таковым оно стремится быть, и таково оно есть в действительности. Игорева песнь не позволяет себя сблизить ни с примитивным народным языком, как мы могли бы предположить для XII века, ни с литературным языком XII века, развивавшимся под византийским влиянием, или языком позднейшей древнерусской эпохи. В эти периоды проза должна была резко отделяться от примитивного народного языка под воздействием византийского орнаментализма, чтобы вообще считаться «литературной». Но именно такого орнаментализма не обнаруживаем мы в Игоревой песни, равно как и каких-либо реликтов примитивного языка.

¹ См. [Karazin, 1797]. См. также перепечатку в [Грот., Пекарский, 1866, с. 473 и след., особ. 474]

Таким образом, Игорева песнь ни по языковым, ни по стилистическим, ни тем более по эстетико-литературным особенностям XII века не может быть сближена с этим периодом, да и с Русским Средневековьем вообще — только весьма приблизительно.

История литературных мистификаций достаточно ясно показала, что интуитивно-обобщенные утверждения, будто «данное произведение не могло возникнуть в новейшее время» или будто «то или иное лицо не может быть автором», легко вводят в заблуждение. Достаточно напомнить о высказываниях Гердера об Оссиане и Макферсоне. Точно так же следует расценивать мнение Александра Сергеевича Пушкина, который не желал видеть среди поэтов XVIII в. никого, кто бы мог сочинить «Слово о полку Игоре», включая Карамзина. И тот же Пушкин был с такой же доверчивостью убежден в подлинности известной мистификации Мериме «Гузла».

Но не менее сомнительно и обратное обобщенное суждение тех критиков XIX века, которые называют Карамзина сочинителем Игорева песни только благодаря его поэтическому таланту и действительному участию в первоиздании. Поразительные стилистические и литературные соответствия Игорева песни с произведениями Карамзина они оставляют без внимания. Но только эти параллели во всей их полноте могут подкрепить гипотезу авторства Карамзина. Его короткая, но очень убедительная аргументация истории сочинения, устраняющая любые сомнения, была более успешна, чем подробнейшие оправдания, которые вкладывались Макферсоном и его покровителем Блэром в уста Оссиана.

Если мы исходим из того, что Карамзин является автором Игорева песни, то его побудительный мотив, конечно же, имел сложную природу. Во всяком случае, одно очевидно: живой интерес к древнерусской литературе и культуре был одним из характерных признаков русского предромантизма. Самым выдающимся его представителем был Карамзин [Кузьмина, 1967, с. 18]. Желание отыскать древнерусскую оссианическую поэму было очень велико. Источник для этого, эпизод о неудачном походе Игоря, оставался без внимания в древнерусских хрониках. От тонкого знатока древнерусской литературы и одновременно пылкого почитателя Оссиана, каковым был Карамзин, возможности, лежащие в этом источнике, не могли остаться скрытыми. Благодаря поэтической обработке Карамзин создал такое произведение, которое, как никакое другое, отвечало общим ожиданиям, желаниям и представлениям публики его времени — и одновременно подводило основание под его собственные представления о стилистике русского литературного языка и проблеме жанра. Составил ли Карамзин древнерусскую редакцию произведения один или ему помогали в этом другие знатоки древнерусского, такие, как Малиновский, Бантыш-Каменский или Иоиль Быковский, бывший их учителем продолжительное время, — это вопрос, решение которого пока должно быть отложено.

Биографические данные Карамзина не противоречат гипотезе о его авторстве. Почти весь 1795 год — год, на который Карамзин указывает как на время открытия «Слова», он отсутствовал в Москве, но пребывал в деревне. У нас нет каких бы то ни было данных и свидетельств, над чем он работал с февраля по сентябрь 1795 года [Rothe, S. 312]. Кроме того, известно, что интерес к истории пробудился у Карамзина довольно рано и что он интенсивно

занимался народной поэзией. Таким образом, нет ничего более точного, чем называть объявленный 1795 год открытия годом появления Игоревой песни.

Биография Карамзина дает новую точку зрения и для суждений об ориентализмах. Карамзин происходил из старого татарского дворянского рода и рос в окрестностях Симбирска, сегодняшнего Ульяновска, в Оренбургских степях. Эти области граничат непосредственно с чисто тюркоязычными областями и в его время и сейчас сильно перемежаются с тюркоязычным населением. Поэтому он слышал татарскую речь, которая в этой местности представлена больше всего. Татарский язык относится к той же языковой группе, что и кыпчакский и половецкий. Отсюда следует вопрос тюркологам, не отражаются ли в Игоревой песни тюркские регионализмы XVIII века.

Оправдание своему поступку Карамзин мог найти в своем эстетическом учении о приятном заблуждении, которое он развивал с 1792 по 1794 годы. Оно обобщается в его словах: «Поэт — это одаренный лжец», — и: «Мы обманываем самих себя и тех, кто достоин быть обманутым»¹.

Что же такое Игорева песнь? Фальсификация? Стилизация? Плагиат? Или произведение, органически выросшее в недрах русской литературы XVIII века? Все эти определения могут быть подкреплены какими-то аргументами. Игорева песнь очаровала публику и ее издателей с момента публикации. Она унаследовала черты древних произведений, не называя их, и она органически исходит из карамзинизма, который был подвержен далеко распространяющемуся западному влиянию. О ней справедливо будет сказать, что прав будет тот, кто воздержится от поспешных стереотипных представлений. И тогда никто серьезно не сможет возразить против того, что Игорева песнь — это великолепный синтез русской поэзии, начиная с ее первых робких начал в древнерусской литературе, продолжая народной поэзией, и заканчивая изысканной словесностью XVIII века.

Тот факт, что Игорева песнь смогла выдержать такой широкий свод, не создавая впечатления искусственности, создает ее уникальность и, если угодно, оригинальность. И только поэтому так прочно удерживается, еще и сегодня, такое мощное воздействие «Слова» на русскую литературу и искусство — и, не в последнюю очередь, на исследования в области славистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brang P.* Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770–1811. Wiesbaden, 1960.
2. *Braun M.* Epische Komposition im Igorlied // Welt der Slaven. Bd. 8, 1963.
3. *Frček J.* Zádonština : staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatory r. 1380 : rozprava literárně dějepisná : kritické vydání textů. //Práce Slovanského ústavu v Praze. Sv. XVIII. Praha, 1948.
4. *Karamzin N. M.* Lettre au Spectateur sur la littérature russe // Spectateur du Nord. Octobre 1797.
5. *Krzyżanowski J.* Balticoslavica. II. Wilno, 1936.
6. *Krzyżanowski J.* Byliny, studjum z dziejów rosyjskiej epiki ludowej. Wilno, 1934.
7. *Läg Reid A.* Einige Bemerkungen zum Igorlied // Anzeiger für Slavische Philologie II, 1967.
8. *Leger L.* La mythologie slave. Paris, 1901.

¹ С этими высказываниями, а также с карамзинским учением о приятном заблуждении вообще [Rothe, s. 358].

9. *Leger L.* Russes et Slaves; études politiques et littéraires. Paris, 1890.
10. *Lotman Y.* Die Structur literarischer Texte. Munchen, 1972.
11. *Mazon A.* Ivan Bykovskij, Ioil l'archimandrite et l'auteur de la Vérité // Revue des Études slaves. V. 44. 1966. P. 58–88.
12. *Mazon A.* La Zadoňščina: réhabilitation d'une œuvre // Revue des Études slaves. V. 18. 1938. P. 5–40. (I)
13. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor // The Slavonic and East European Review. T. 27. 1949. P. 515–535.
14. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor, V-VI // Revue des Études slaves. V. 21. 1944. P. 5–45.
15. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.
16. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor: le modèle principal // Revue des Études slaves. V. 19, 1939. P. 52–86.
17. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre; le modèle principale. // Revue des études slaves, Tome 18, fascicule 3–4, 1938. P. 163–213. (II)
18. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor: les additions massives // Revue des Études slaves. V. 19, 1939. P. 242–288.
19. *Raab H.* Das Lied von der Heerfahrt Igers. Leipzig, 1965.
20. *Rothe H. N. M.* Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. // Philologische Untersuchungen. Bad Homburg v. d. H. — Berlin — Zürich, 1969.
21. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds // Anzeiger für Slavische Philologie VII, 1974. SS. 128–145.
22. *Ulbrich R.* Die Elemente des Sentimentalismus in den literarischen Werken N. M.»Karamzins. // Ein Beitrag zur Geschichte der Empfindsamkeit. Phil. Diss. Leipzig, 1952.
23. *Vaillant A.* La Zadoňščina, épopée russe du XVe siècle. // Textes publiés par l'Institut d'Études slaves — VI. L'Institut d'Études slaves. Paris, 1967
24. *Weither E.* Der negative Vergleich in der russischen Volkspoese. München, 1972.
25. *Барсов Е. В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. I. М., 1887.
26. *Бегунов Ю. К.* «Слово о полку Игореве» в зарубежном литературоведении (краткий обзор) // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 236–249.
27. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
28. *Грот Я., Пекарский П.* Письма Карамзина къ С. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
29. *Гудзий Н. К.* История русской литературы XI—XVII вв. Галле, 1959.
30. *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования. М.-Л., 1960. После с. 76 с оригинальной пагинацией.
31. *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» и восточно-славянский фольклор // Русский фольклор, т. XI. М.-Л., 1968. (II).
32. *Зимин А. А.* Две редакции «Задонщины» // Труды Московского историко-архивного ин-та. Т. XXIV, 1966. С. 17–54 (I).
33. *Зимин А. А.* Задонщина (опыт реконструкции текста пространной редакции) // Ученые записки научно-исследовательского ин-та при Совете министров Чувашской АССР, вып. 36: Исторический сборник. Чебоксары, 1967. С. 216–239. (I).
34. *Зимин А. А.* Из истории архивного дела в России // Вопросы архивоведения, 1965, № 3.
35. *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР, 1968, № 6. С. 43–64. (I).
36. *Зимин А. А.* К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве»: опыт исторического анализа // Ученые записки научно-исследовательского ин-та при Совете министров Чувашской АССР, вып. 31: Исторический сборник. Чебоксары, 1966. С. 138–155. (II).

37. *Зимин А. А.* Когда было написано «Слово» // Вопросы литературы, 1967, № 3. С. 135–152. (II)
38. *Зимин А. А.* Когда было написано Слово // Вопросы литературы, 1967. С. 135–152.
39. *Зимин А. А.* Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игоре» // Русская литература, 1966, № 2. С. 60–74. (III).
40. *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература, 1967, №1. С. 84–104. (III).
41. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР, 1965, № 5.
42. Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ Удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ преложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва, в Сенатской типографии, 1800. (Editio princeps).
43. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб, 1892. (The Hague-Paris, 1969) Т. III.
44. *Карамзин Н. М.* Боян // Пантеон Российских авторов/ Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. СПб, Издание Александра Смирдина, 1848. Т. I.
45. *Карамзин Н. М.* Вестник Европы, 1803, ч. X.
46. *Карамзин Н. М.* Сочинения Карамзина. СПб, Издание Александра Смирдина, 1848. Т. I-III.
47. *Котляренко А. Н.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игоре» // Слово о полку Игоре и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966. С. 127–199.
48. *Кузьмина В. Д.* Предисловие к ст. Сперанский М. Н. Перевод «Слова о полку Игоре» в бумагах А. Ф. Малиновского // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.
49. *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игоре. Историко-литературный очерк. М.-Л., 1950.
50. *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике. Введение. Теория стиха. Providence, Rhode Island, 1968.
51. *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946.
52. *Петерсон М.* Синтаксис «Слова о полку Игоре» // Slavia. Т. 14, 1935–1937. С. 547–592.
53. *Рыбаков Б.* Старые мысли, устарелые методы (ответ А. Зимину) // Вопросы литературы, 1967, № 3.
54. *Сечкарев В.* История русской литературы. Штуттгарт, 1962.
55. *Скипина К.* О чувствительной повести // Русская проза. Сб. ст. Л., 1926.
56. Слово о полку Игоре, Игоря сына Святъслава внука Ольгова, предисл. и прим. Н. В. Водовозова. М., 1954.
57. *Соколова М. А.* Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
58. *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1921.
59. *Стендер-Петерсен А.* История русской литературы. Т. I. Мюнхен, 1957.
60. *Трубецкой Н. С.* Русские поэты XVIII и XIX веков. Очерк истории развития. Издано по предоставленной русской рукописи Рудольфом Ягодичем. Грац – Кёльн, 1956.
61. *Чижевский Д.* Древнерусская литература в XI, XII и XIII веках. Киевская эпоха. Франкфурт-на-Майне, 1948.
62. *Шкляревский Г. И.* История русского литературного языка (2-я пол. XVIII — XIX век.). Харьков, 1967.